

Становление и развитие системы образования Тихоокеанской России в период модернизаций страны (XVIII в.)¹

Светлана Борисовна Белоглазова,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: beloglazov1@yandex.ru

Автор исследовала малоизученные в региональной историографии вопросы истории образования на восточных окраинах России в период модернизации страны в XVIII в.

Ключевые слова: горнозаводские и навигацкие школы, общее образование, реформа образования, Якутия, Забайкалье, Камчатка, Охотск, Русская Америка.

The formation and evolution of education system in Pacific Russia during the period of modernization in the XVIII century.

Svetlana B. Beloglazova, Cand. Sc. (History), Assist. Professor, senior researcher, Dept. of History of the Far Eastern Russia, Institute of History, Archaeology and Ethnography of Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok.

The article investigates less-known facts in regional historiography relating to the history of education in Pacific Russia during the period of modernization of the country in the 18th century.

Key words: mining and navigational schools, general education, education reform, Yakutia, Baikal, Kamchatka, Okhotsk, Russian America.

В статье прослеживается история образовательного комплекса региона в начальный период модернизации России по европейскому образцу. Региональная историография характеризуется тематической, территориальной и хронологической фрагментарностью исследований по данному периоду [3; 7; 14; 21; 23]. Автором представлена попытка обобщающего исследования по истории процесса становления и развития народного образования в регионе, начиная со времени появления первого учебного заведения и до конца XVIII в. Территориальные рамки исследования охватывают Забайкалье, Якутию, Охотско-Камчатское побережье и Русскую Америку, т.е. земли восточных окраин России, которые в XVIII в. были включены в её состав и в современной региональной историографии обобщаются термином «Тихоокеанская Россия».

¹ Статья подготовлена при поддержке грантов ДВО РАН № 12-И-П33-05 и № 12-III-A-11-220.

Пионерный характер освоения этих земель и отдалённость их от центра делали особенно острой проблему обеспечения специалистами формировавшейся региональной инфраструктуры. Не случайно первое учебное заведение появилось в Забайкалье в местах добычи и переработки серебряной руды, имевших значение не только для экономики региона, но и для страны в целом. К 1720 г. выплавка добывавшегося на Нерчинских заводах серебра упала более чем в 10 раз, а себестоимость одного пуда продукции выросла почти в 4 раза. В связи с этим началось переоборудование сереброплавильного производства и вырос спрос на грамотных специалистов, обслуживавших рудники и заводы. В 1723 г. (по другим данным — в 1724 г.) при полной поддержке Берг-коллегии заводской комиссар Т.М. Бурцов открыл горнозаводскую школу в селе Нерчинский завод [7, с. 57; 13, с. 61].

В 1730-х гг. в регионе появились навигацкие школы. Русские тихоокеанские экспедиции первой трети XVIII в. и связанное с ними последующее развитие мореплавания на Камчатку, Чукотку, Курильские острова и в Русскую Америку актуализировали проблему обеспечения кадрами морских специалистов всевозрастающего числа судов российского флота на Тихом океане. Идея учреждения на восточной окраине России морских учебных заведений, которые могли бы обеспечивать специалистами Вторую Камчатскую экспедицию (1733—1743) принадлежала В.Й. Берингу. На основании его докладной записки (дек. 1730 г.) о мерах по устройству жизни и быта населения Сибири и Камчатки в связи с деятельностью экспедиции Сенат отдал распоряжение открыть школы для подготовки местных кадров для флота [18, с. 95].

30 мая 1731 г. Сенат утвердил инструкцию для первого начальника Охотского порта, которым стал известный деятель петровской эпохи Г.Г. Скорняков-Писарев. В инструкции предписывалось «...народную школу, не для одной грамоты, но и для цифири и навигации завести... из чего могут люди к службе знающие возрастать, а не дураками оставаться» [18, с. 99]. О начале истории школы единого мнения нет. Одни исследователи полагают, что в 1730-е гг. она не работала, другие считают, что она была открыта в 1732 г., но работала нерегулярно и в ней учились только 6 чел. [6, с. 53; 21, с. 10; 23, с. 369; 24, с. 194]. Вероятнее всего, что Скорняков-Писарев всё же открыл школу. В его послужном списке помимо крупных государственных постов при Петре I имелся обширный опыт руководства цифирными и навигацкими школами России, Морской академией и авторство руководства по механике «Наука статическая или механическая» [6, с. 48]. Да и вряд ли, будучи в ссылке, он осмелился проигнорировать предписания Сената¹. Что же касается даты открытия навигацкой школы, то произойти это событие должно было только

¹ В результате сфабрикованного А.Д. Меньшиковым «дела» А.М. Девиера (1727) Г.Г. Скорняков-Писарев оказался в ссылке. Выбор его в качестве начальника Охотского порта объяснялся как профессиональными качествами, так и тем, что он отбывал ссылку недалеко от Охотска в Жиганском зимовье.

после появления Г.Г. Скорнякова-Писарева в Охотске, т.е. не ранее осени 1735 г. В 1740 г. новый начальник Охотского порта А.М. Девиер упорядочил работу школы: нашёл постоянного учителя и набрал туда учеников в возрасте до 12 лет [21, с. 11—12].

Для Якутской навигацкой школы В.Й. Беринг нанял учителя, который прибыл в Якутск в 1736 г. Однако в течение первых трёх лет ему не удалось собрать учеников из-за противодействия жителей Якутска. Прибывший сюда в 1739 г. по делам Второй Камчатской экспедиции советник Адмиралтейств-коллегии Ларионов, невзирая на протесты родителей, силой набрал в навигацкую школу «казацких детей» в возрасте от 6 до 15 лет [21, с. 7].

Результатом Второй Камчатской экспедиции можно считать и появление на Камчатке первых школ. Информация о них крайне скудна, но для полноты картины упомянуть о них необходимо. А.Н. Копылов, ссылаясь на А.Г. Базанова, сообщает, что первые на полуострове школы были открыты участниками Второй Камчатской экспедиции в 1740 г.: адъютантом Академии наук Г.В. Стеллером — в Большерецке и В.Й. Берингом и А.И. Чириковым — в гавани Петра и Павла [14, с. 59]. Наличие этих школ, несмотря на расхождения в датах открытия учебных заведений, подтверждается более ранними данными. Так, А.С. Сгибнев пишет, что по распоряжению В.Й. Беринга и А.М. Девиера были открыты 2 школы: одна в 1741 г. в Большерецке, вторая в 1742 г. в Нижнекамчатске [20, с. 60]. Сам Г.В. Стеллер упоминает только о наличии построенной им в Большерецке школы, без акцента на дате появления этого учебного заведения [25, с. 126].

Государственный образовательный стандарт, устанавливавший обязательные для изучения учебные предметы, порядок их освоения и организацию учебного процесса, не был чётко прописан, но с петровских реформ традиционно ориентировался на обязательную практическую подготовку выпускников. В горнозаводской школе обучали грамоте, изучали арифметику, геометрию, тригонометрию и специальные дисциплины (черчение, маркшейдерское и пробирное дело). В Якутской и Охотской навигацкой школах осваивали грамоту, арифметику и рисование. В связи с закрытием Второй Камчатской экспедиции интерес Адмиралтейств-коллегии к этим учебным заведениям ослаб, что отрицательно сказалось на материальной базе школ и постановке учебного процесса. Цикл специальных дисциплин вплоть до середины 1750-х гг. читать было некому. С закрытием экспедиции перспектива дальнейшего существования камчатских школ становилась довольно проблематичной. В школах не было не только учебников, но даже бумаги. Ученики Большерецкой школы писали на пергаменте из оленьей кожи, производство которого наладил Стеллер. Беспокойство о дальнейшей судьбе школ (отъезд участников экспедиции мог обернуться закрытием учебных заведений) подвигло его написать в январе 1741 г. письмо в Синод. Он извещал синодальные власти о действующих школах и просил прислать на Камчатку

трёх священников для Большерецкой, Верхнекамчатской и Анадырской церквей, трёх-четырёх студентов-учителей, а также учебные и церковные книги [20, с. 60]. Сроки обучения в школах не были точно определены и зависели от быстроты усвоения учениками программы.

Учебники, письменные принадлежности, наглядные пособия и необходимые инструменты предписывалось давать бесплатно всем учащимся. В качестве учебников использовались азбуки с букварями на славянском и латинском языке, катехизисы, часословы и псалтыри, руководства по арифметике, тригонометрии, геометрии и «логарифме». С петровских времён сохранялась традиция принудительного обучения, обусловленного сложившейся тогда точкой зрения на учение как на разновидность государственной службы с полагающейся за неё платой или наказанием за уклонение от неё. Сенат, принимая решение об открытии навигацкой школы в Охотске, предписывал Скорнякову-Писареву «...жалование малое для содержания школьников выдавать», и Девиер платил им по 30 коп. в месяц каждому [18, с. 99; 21, с. 12].

По данным на 1741 г. в горнозаводской школе совместно обучались 18 мальчиков. В Охотской школе ко времени отъезда А.М. Девиера в 1842 г. был 21 ученик, в Большерецкой — 20. В Якутской школе учились 110 чел., из которых в 1741 г. Ларионов отобрал для обучения навигации 25 чел. [21, с. 7; 20, с. 60; 7, с. 64]. В общей сложности в школах Тихоокеанской России в первое десятилетие их существования учились 169 чел. При сравнении с данными за 1714—1722 гг., согласно которым во всех цифирных школах России обучалось 1389 учеников [26], число учившихся на восточных окраинах составит 12%, что является, на наш взгляд, хорошим показателем для слабо заселённого региона с неосвоенными ресурсами.

Выпускники школ пополняли ряды грамотных работников, необходимых для развития территории. Так, в 1745 г. Охотскую навигацкую школу успешно окончили четверо «вновь окрещённых отроков» (видимо, речь идёт о мальчиках-аборигенах. — С.Б.), которые поступили в распоряжение Охотской канцелярии [23, с. 45]. Выпускники горнозаводской школы поступали в распоряжение администрации Нерчинских заводов и распределялись на производство. Наиболее способных из них посылали для дальнейшего обучения и повышения квалификации в столицу. Сохранилось имя одного из таких учеников Фёдора Сикорского, который, окончив курс обучения в Академии наук в 1739 г., работал переводчиком при иностранных специалистах на Нерчинском заводе [7, с. 61].

В первое десятилетие становления образовательного комплекса региона сложились и такие характерные его черты, которые сохранялись и воспроизводились в истории других учебных заведений в последующем. Состав учащихся открытых школ был всесословным с преобладанием разночинцев. Так, в горнозаводской школе учились дети ссыльно-каторжных, из семей офицеров, горных служителей и заводских людей (мастеров, подмастерьев, заводских учеников, рабочих), священнослужи-

телей, солдат и приписанных к заводу крестьян. В навигацкие школы набирали учеников преимущественно «из молодых казачьих детей». В камчатских школах учились дети служилых русских, казаков, а также бывшие в аманатах (заложниках. — С.Б.) дети коренных жителей.

Отсутствие в регионе кадров профессиональных педагогов положило начало традиции назначать учителями грамотных ссыльных и практиков, включая и тех, которые по состоянию здоровья уже не могли работать на производстве. Первым учителем в горнозаводской школе стал ссыльный Сабанеев, а направленные Берг-коллегией на Нерчинский завод и преподававшие в этой же школе Д. Чертков и С. Чернильщиков работали на производстве в должности «лабораторных учеников». При А.М. Девиере в Охотской навигацкой школе почти два года преподавал поп-расстрига Я. Самгин, в котором Девиер усмотрел задатки толкового учителя. Он обучал детей основам грамоты, арифметике и рисованию [21, с. 11]. Первым учителем в Якутской навигацкой школе был рекомендованный Берингом отбывавший ссылку в Иркутске протонотариус Юстиц-коллегии Гейденрейх, а после его освобождения из ссылки в 1741 г. — служившие в Якутске специалисты. Контролировал учебный процесс советник Ларионов. В Большерецкую школу приглашали ссыльного И. Гуляева, затем по приказу А.М. Девиера обязанности учителя исполнял ссыльный поручик Пражевский, а в Нижнекамчатской школе — служилые казаки.

Специфика освоения территорий в зоне Тихоокеанской России, где инородческое население преобладало над русским, обусловила активное участие в просветительской деятельности Русской православной церкви. Посылка духовных миссий и обращение коренных народов в христианство являлись неотъемлемой частью политики по освоению окраин Российской империи. В 1745 г. на Камчатку прибыла третья духовная миссия во главе с архимандритом И. Хотунцевским. На полуострове с 1740 г. происходили волнения среди аборигенов, центральное правительство и местные власти рассчитывали с помощью миссионеров наладить контакты с населением.

Глава миссии отводил школам решающую роль в распространении христианского учения среди аборигенов. «Зело на Камчатке школам быть нужно», — писал он в донесении в канцелярию Синода [11, с. 147—148]. Будучи убежден в том, что школы «не от стен и места, а от присутствующего в нём учителя и от настоящего учения...» [11, с. 51], Хотунцевский лично контролировал постановку обучения, совершая для этого ежегодные переходы по стойбищам и острожкам с западного на восточное побережье Камчатки. За счёт личных средств он оплачивал пребывание в школе бедных, но способных учеников, чтобы они «...в вечное холопство не попали и учения не утратили и от школы вовсе не отнялись» [11, с. 148]. Входившие в состав миссии студенты Славяно-греко-латинской академии П. Грязной, П. Логинов, В. Кочеров, А. Ласточкин, Ф. Серебряков и Д. Камшигин исполняли обязанности учителей.

Миссионерские школы были однокомплектными, с одним учителем, преподававшим элементарную грамоту и азы христианского вероучения [27, с. 38]. Недостаток бумаги в школах заменяли берестой. Учебный год ограничивался зимними месяцами. В конце апреля — начале мая наступали каникулы и ученики разъезжались по родным стойбищам до октября. Часть бремени по содержанию учебных заведений миссия перекладывала на плечи местных сообществ, которые обеспечивали не только школу, но и учителя одеждой, обувью, пищей, платили за него ясак.

В период с осени 1745 г. и до отъезда Хотунцевского в 1750 г. миссионеры открыли 8 школ во всех наиболее значимых населённых пунктах Камчатки: в Большерецке, Верхнекамчатске, Нижнекамчатске, в гавани Петра и Павла, в Шемячинском, Ичинском и Тигильском острогах, а также на Курилах (о-в Шумшу) [27, с. 38, 41, 54; 9, с. 175]. В 1745 г. в школы набрали около 100 чел., из которых «иноземческих детей более 30 человек», в 1747 г. только в трёх школах — Шемячинской, Ичинской и Тигильской — учились 205 туземных мальчиков [27, с. 42].

В 1750—1760-е гг. система образования на восточной окраине России продолжала поступательно развиваться. В 1755 г. в Нерчинской горнозаводской школе училось уже 365 мальчиков, причём больше половины из них получали денежную поддержку от горного управления [13, с. 67]. Увеличение контингента учащихся и связанных с этим расходов казны на их содержание, видимо, послужило основанием для реорганизации системы горнозаводского образования. В 1756—1760 гг. руководитель «комиссии о размножении Нерчинских сереброплавильных заводов» коллежский советник Н.Г. Клеопин разработал «Первое об учреждении школ положение», в соответствии с которым полное казённое содержание выделялось только для 100 учащихся из семей заводской бедноты и сирот. Курс обучения делился на три отделения: словесности (чтение и письмо) — 60 чел., арифметики и геометрии — 24 чел., а также тригонометрии, пробирной и маркшейдерской наук — 16 чел. [7, с. 64, 66]. Дети зажиточных родителей и из офицерских семей зачислялись в школу сверх комплекта и пособия от казны не получали.

В 1760-е гг. начальник Нерчинских заводов В.И. Суворов осуществил дальнейшее реформирование системы подготовки специалистов для сереброплавильных заводов. Согласно его положению о «Даурских сереброплавильных заводах» от 12 декабря 1763 г. число комплектных учеников увеличивалось до 150 чел., дополнительно открывалось сиротское отделение для мальчиков на 70 чел. В школе полагалось 3 штатных учителя по словесному и арифметическому циклу дисциплин. Обучение пробирному делу и обжиганию серебра проходило при заводской лаборатории, маркшейдерское дело осваивалось непосредственно в практике горных работ. Учителям устанавливалась плата в размере 60, 48 и 36 руб. в год, причём в силу того, что последний оклад был

ниже прожиточного минимума, существовавшего на заводах, заводская администрация платила надбавки [7, с. 68].

Ученики на общем отделении, изучавшие чтение и письмо, получали по 3 руб. в год, изучавшие «арифметику до тройного правила», а также «в тройном правиле и дальше» — по 4 руб., геометрию — по 6 руб. в год. Кроме того, детям из семей, отцы которых получали не более 36 руб. в год, заводская казна ежемесячно приплачивала по 1 руб. на человека, но не выше 12 руб. в год на семью. Такие же прибавки к казённому жалованью получали и хорошо успевавшие, по мнению администрации, ученики из офицерских семей [7, с. 69].

Зачисленных в штат сиротского отделения содержала заводская казна: их обеспечивали одеждой и питанием, платили денежное и продуктовое довольствие (мука, крупы и соль). Денежное содержание учащегося в словесном классе составляло 1,8 руб., в классе арифметики и геометрии — 3 руб. и 4,8 руб. в классах тригонометрии, пробирной и маркшейдерской наук [14, с. 82; 7, с. 70]. По сравнению с предшествующим периодом укрепилось их материальное положение, возросло число казённокостных учеников, упорядочилась организация учебного процесса.

К 1764 г. выпускники школы подняли производительность труда только на одном Нерчинском заводе в несколько раз [9, с. 174; 22, с. 68]. В том же году В.И. Суворов открыл горнозаводские школы при Дучарском, Кутомарском, Аргунском и других заводах Нерчинского горного округа. Реформа В.И. Суворова, несомненно, была успешной. Примечательно, что все эти инновации осуществились за несколько лет до начала работы учреждённой в 1767 г. Екатериной II «Комиссии об училищах и призрения требующих», с работы которой и начался очередной этап реформирования национальной системы образования.

В период нахождения на посту губернатора Сибири (1753—1757) генерал-лейтенанта В.А. Мятлева, в прошлом морского офицера и сторонника идеи развития собственной базы для подготовки нужных региону специалистов, начался подъём в морском образовании. Из-за отсутствия специалистов, могущих квалифицированно преподавать навигацию, астрономию, тригонометрию, школы в Якутске и Охотске во второй половине 1740-х — начале 1750-х гг. ещё не работали как навигацкие¹. В соответствии с указом Мятлева (май 1755 г.) начальник морской части Охотского порта лейтенант В.А. Хметевский набрал в штурманский класс 10 учеников, а иркутский вице-губернатор Вульф снабдил школу учебниками по математике и необходимыми для изучения навигации учебными инструментами и пособиями (аспидные доски, логарифмы, «карты меркаторские и плоские», циркули и квадрант), доставленными в Охотск в 1756 г. [21, с. 13]. С 1756 по 1758 г. курсантов обучали

¹ Из-за отсутствия данных в архиве Морского министерства А.С. Стибнев, например, считает, что Якутская навигацкая школа в 1746 г., т.е. через 5 лет после отъезда Гейденрейха, «вовсе изничтожилась».

штурманы из Охотска, а с 1758 г. — пять выпускников Иркутской навигацкой школы, двое из которых учили математике и специальным морским дисциплинам.

В июле 1753 г. В.А. Мятлев представил Сенату доклад, где изложил проект возобновления Камчатской экспедиции (позже названной Нерчинской секретной экспедицией) и открытия новых навигацких школ в Иркутске и Нерчинске как составной части экспедиции для подготовки штурманов и геодезистов, потребность в которых постоянно росла [18, с. 42—44]. В распоряжение Мятлева поступили все оставшиеся в Сибири морские офицеры и служители Второй Камчатской экспедиции [18, с. 346—347]. Среди выехавших тогда в Сибирь специалистов был штурман М. Татаринов, ставший впоследствии ключевой фигурой в истории Иркутской навигацкой школы. По рекомендации Мятлева подготовку Нерчинской секретной экспедиции возглавил отбывавший ссылку в Сибири государственный деятель петровской эпохи, бывший вице-президент Адмиралтейств-коллегии вице-адмирал Ф.И. Соймонов, который открыл в 1754 г. навигацкие школы в Нерчинске и Иркутске.

Среди поступивших в Иркутскую навигацкую школу числились дети дворян, а также из семей солдат и казаков, всего 32 ученика. В Нерчинскую навигацкую школу первоначально набрали по реестру 11 казачьих детей, в 1756 г. их было уже 35, через год — 59 [4, с. 113; 8, с. 29; 21, с. 43].

Первое время в школе преподавал сам Ф.И. Соймонов, который обучал курсантов грамоте и счёту, столярной работе, канатному и блоковому мастерству [8, с. 29]. В августе 1756 г. в школу прибыл «подмастерье в поручищем чине» А. Юсупов, чтобы преподавать математические и навигационные науки. В 1757 г., когда Соймонов стал губернатором Сибири, он назначил директором школы капитана Бегунова [12, с. 197]. В Иркутскую навигацкую школу указом Сената (28 дек. 1753 г.) получил назначение директором чиновник седьмого класса Есипов, а преподавателем математических и специальных дисциплин (по рекомендации Адмиралтейств-коллегии) — И. Бриттов. В марте 1759 г. его перевели в Нерчинскую навигацкую школу, где, сменив А. Юсупова, он преподавал вплоть до закрытия школы в 1765 г. [21, с. 43].

В программу обучения в навигацких школах Нерчинска и Иркутска входили чтение и письмо, математические дисциплины, черчение, геодезия, топография, архитектура, судостроение и навигация. В Иркутской школе с 1756 г., когда её возглавил штурман М. Татаринов, было введено преподавание иностранных языков, в том числе и японского [4, с. 113; 14, с. 71]. Татаринов поддерживал хорошо учившихся курсантов денежными премиями, производством в унтер-офицеры и офицеры. Так, по его ходатайству курсант Чемесов указом Сената (17 июня 1758 г.) получил чин прапорщика [21, с. 29—30].

В 1756—1768 гг. Иркутская и Нерчинская навигацкие школы выпустили одного переводчика японского языка, 16 штурманов в Охотск, 5 под-

мастерьев ластовых судов, 6 специалистов в экспедицию капитана Кре- ницына, 6 геодезистов в Охотск и Анадырск, 15 геодезистов в Нерчинское заводское управление, 51 специалиста горного дела «к разным должностям», нерадивых учеников зачисляли в солдатскую и казачью службу [21, с. 44; 4, с. 113; 14, с. 72—73]. Такое распределение специалистов свидетельствует о том, что навигацкие школы вписались в хозяйственный комплекс региона. Число выпускников Нерчинской навигацкой школы ко времени её закрытия составило 140 чел. [12, с. 197].

Ф.И. Соймонов установил учащимся Нерчинской школы казённое жалованье по 1 коп. в день [12, с. 197]. Денежное довольствие курсантов Охотской навигацкой школы было меньше, хотя с 1764 г. его увеличили. В первом классе они получали 1 руб. 83 коп. в год; во втором (арифметика, слесарное мастерство и музыка) — 2 руб. 31 коп.; в третьем классе, где преподавали геометрию, тригонометрию и специальные морские дисциплины, — 2 руб. 79 коп. Помимо денежного содержания учащимся навигацких школ казна выдавала продуктовые пайки («провиант»). Месячный продуктовый набор для курсанта Охотской навигацкой школы состоял из 2 четвертей муки, 0,25 четверти крупы и 2 фунтов соли [23, с. 13]. Набранным в Якутскую школу в 1766 г. 40 ученикам навигации из дворянских и казачьих детей установили на период обучения словесной грамоте жалованье 1 руб. 80 коп. в год и пуд «провианта» в месяц, при переходе к письму и «прочим наукам» жалованье повышалось до 3 руб. в год [23, с. 8]. Школу обеспечили учебниками, инструментами, пособиями. В целом курсанты получали меньшую плату, чем учащиеся горнозаводских школ.

С ликвидацией Нерчинской экспедиции под вопросом оказалось существование Иркутской навигацкой школы, лишившейся источника финансирования. В то же время её численный состав возрос за счёт перевода в Иркутск 39 курсантов Нерчинской навигацкой школы и преподавателя И. Бритова. После трёхлетней переписки иркутский губернатор А.И. Бриль добился в 1768 г. решения Сената не закрывать школу.

Что же касается миссионерских школ, то во второй половине 1750-х гг. при церквях в камчатских острогах было открыто ещё 6 учебных заведений. В 1761 г. в 14 школах училось около 300 чел. [9, с. 175]. Однако отсутствие энергичного, волевого и авторитетного лидера, каким был И. Хотунцевский, ослабило позиции миссионеров. Ещё в 1760 г. статус духовной миссии был понижен до уровня проповеднической свиты, что в целом усилило позиции светской власти, конкурировавшей с камчатской церковью за перераспределение ясака. В декабре 1762 г. оставшиеся члены миссии во главе с архимандритом Пахомием покинули Камчатку (включая и студентов, преподававших в школах). Тем не менее просветительская работа православных священников получила поддержку центрального правительства в специальном указе Сената (15 янв. 1764 г.), в котором отмечалось, что воспитанники миссионерских школ

становятся священниками, учителями, поступают на службу в казаки и «в иные светские службы». Так, учителя Т. Уваровский, И. Чечулин, А. Павлуцкий, К. Мерлин и большинство священников были уроженцами Камчатки. Этим же указом местной администрации предписывалось не облагать учителей и учеников миссионерских школ ясаком, обеспечивать их «денежным и хлебным жалованьем», одеждой и обувью, как это было принято в гарнизонных школах «...за счёт экономии из камчатских доходов» [27, с. 61] (т.е. местной казны. — С.Б.).

Политика светских властей в 1760—1770-е гг. по отношению к миссионерским школам оказалась для них губительной. Так, когда командиром Охотского порта (1764—1772) был полковник Ф.Х. Плениснер, количество школ на Камчатке сократилось до 10, а учащихся — до 190 чел. [20, с. 91]. Историограф истории камчатских церквей протоиерей Прокопий Громов даже обвинил его и других администраторов екатерининского призыва, что они ради личной наживы под разными предлогами не выполняли указаний Сената от 15 января 1764 г. не облагать школы ясаком [27, с. 59].

Управлявший в 1772—1779 гг. Камчаткой М.К. Бем продолжал политику вытеснения миссионерских школ. Правда, взамен закрытых учебных заведений он открыл 4 гарнизонные школы в Большерецке, Верхнекамчатске, Нижнекамчатске, Тигиле для казачьих и солдатских детей. По штату 1773 г. на обмундирование и питание воспитанников школ, а также на содержание учебных заведений казна выделяла 4274 руб. В соответствии со штатным расписанием в школах полагалось иметь 70 учеников, но реально при Беме в гарнизонные школы набирали в два раза больше учеников, включая и представителей коренных народов. Обучение начинали с 7 лет, преподавали грамотные унтер-офицеры [2, с. 288].

В 1774 г. на полуострове осталось только 6 миссионерских школ с 40 учениками [14, с. 61; 22, с. 101]. После закрытия Бемом ещё двух миссионерских школ общее число учебных заведений на Камчатке к 1779 г. стало таким же, как в 1750 г. Корыстная заинтересованность в школьной казне командира Охотского порта (1770—1775) полковника В. Зубрицкого, выражавшаяся в тривиальном казнокрадстве, привела к тому, что при нём курсанты просто голодали, никакого довольствия он им не платил, а школа пришла в упадок. Налаживая работу школы новый начальник Охотского порта капитан-лейтенант С.И. Зубов согласовал в 1777 г. с иркутским губернатором Ф.Г. Немцовым штат школы в 20 чел. и повысил денежное содержание курсантов до 54 руб. в год [21, с. 14].

Якутскую навигацкую школу с 1766 г. вёл «штурманский ученик» Турчанинов. В 1777 г. в ней обучались 22 курсанта: 8 — в классах арифметики и геометрии и 14 — в классах навигации. Часть учившихся в старших классах успела к этому времени жениться, испытывала материальные трудности. Они писали в Иркутск прошения на имя Ф.Г. Немцова об увеличении жалованья, которое не обеспечивало прожиточного минимума, либо

«...вовсе уволить на свободу», так как не видели смысла в дальнейшей учёбе. Единственный на протяжении многих лет учитель Турчанинов в силу своих профессиональных знаний смог подготовить их только «до меркаторского счисления» [21, с. 9]. Однако найти ему достойную замену местные власти не смогли.

Положение навигацкой школы в Иркутске в 1770-е гг. было сравнительно стабильным. Ф.Г. Немцов добился от центральных властей введения с 1777 г. штата на 40 учеников навигации [21, с. 32—34]. Успех местной администрации объясняется, на наш взгляд, поддержкой, оказанной влиятельными представителями торгово-промысловых купеческих компаний, которые вели дела в Русской Америке и нуждались в специалистах морского дела. Несомненна заслуга и руководившего школой М. Татаринова, который за 29 лет своего поистине подвижнического труда сделал пять выпусков.

Среди питомцев Иркутской навигацкой школы 1770-х гг. был известный мореход Г.Г. Измайлов, успевший за годы своей карьеры побывать во многих экспедициях (И.Б. Синдта, П.К. Креницына — М.Д. Левашова, Г.И. Шелихова и др.), сделать открытия в Русской Америке. Дж. Кук, познакомившись с Измайловым, высоко оценил его профессиональные и человеческие качества [15, с. 395]. Выпускник 1771 г. штурман С. Бронников участвовал в Северо-восточной экспедиции И.И. Биллингса — Г.А. Сарычева и выделился как самостоятельный исследователь [19, с. 298]. Наиболее известными выпускниками Якутской навигацкой школы из учившихся у Турчанинова «казачьих детей» стали Н. Мухоплев и В. Олесов. Первый в звании штурманского ученика вполне успешно командовал судном «Св. Михаил» купца А. Холодилова во время коммерческой экспедиции 1780—1786 гг., второй был штурманом в экспедиции А. Лаксмана в Японию в 1792—1793 гг. [18, с. 337,362].

На этапе 1770-х гг. в рамках административной реформы правительством Екатерины II в 1775 г. были учреждены приказы общественного призрения, в ведение которых перешли учебные заведения, а также открытие, содержание и управление учебных заведений общеобразовательного типа — народных школ. Утверждался стандартный курс народной школы: чтение, письмо, арифметика, рисование, а для познания основ православия и нравственного воспитания — изучение катехизиса. Продолжительность уроков определялась в 4 часа ежедневно (2 часа до и 2 часа после обеда). Родителям предоставлялось право выбора: отдавать детей в школу или оставлять их дома; запрещались телесные наказания и вменялось в обязанность учителей следить за санитарным состоянием учебных помещений [26]. На огромном пространстве от Байкала до русских колоний в Америке единственная в рассматриваемый период школа подобного типа была открыта в Иркутске губернатором Ф.Н. Кличкой в феврале 1781 г. В год открытия «градской школы» для детей всех сословий в ней обучалось 130 чел. [29, с. 12].

По примеру иркутского губернатора возглавлявший в 1778—1784 гг. Охотский порт коллежский асессор Бензинг попытался реорганизовать навигацкую школу, чтобы придать ей характер всесословного общеобразовательного учебного заведения. В результате проведённой им переписи детей контингент учащихся расширился за счёт малолетних детей из казачьих, солдатских и офицерских семей, морских и адмиралтейских служителей, сирот и незаконнорождённых до 123 чел., из которых собственно навигацию изучали только 20 чел. Однако образовательный проект Бензинга успеха не имел.

Во-первых, трудности обучению создавала возрастная разница учащихся, нехватка учителей и необходимой учебной литературы. Ежемесячные и ежеквартальные экзамены, расширение курса дисциплин за счёт преподавания латинского, немецкого и французского языков (языковые курсы читал случайно оказавшийся в Охотске протестантский пастор. — С. Б.) перегружали учебный процесс. Программу третьего класса не осваивала большая часть учеников, а кое-кто и начальный уровень. Неуспевающих отчисляли из школы или определяли в солдаты, если они были «в совершенном возрасте» [29, с. 16]. Наконец, не было достаточных средств. Содержать учеников предполагалось за счёт благотворительности, так как Иркутский приказ общественного призрения, ссылаясь на отсутствие денег, отказывался финансировать школу. За всё время пребывания Бензинга в должности ему удалось собрать на нужды учебного заведения немногим более 300 руб. [21, с. 14—17], которых не хватило для воплощения его замыслов, характеризующихся, на наш взгляд, некоторым прожектерством. Показательны и свидетельства современников, обвинявших Бензинга в поборах и казнокрадстве. Его последней яркой акцией, направленной на развитие образования на вверенной ему территории, стало открытие в 1781 г. в Гижиге, где располагалась рота солдат из 2 офицеров и 128 нижних чинов, школы со штатом на 10 учеников [1, с. 81].

Проблема финансирования учебных заведений региона в 1780—1790-х гг. стала ключевой. Как и в целом по стране, деятельность Иркутского приказа общественного призрения встречала множество затруднений из-за непродуманного вопроса об источниках финансирования образования. По сути, любой приказ общественного призрения являлся благотворительным учреждением, а следовательно, обладал нестабильной финансовой базой. Бюджет его мог формироваться за счёт благотворительных взносов, банковских операций (приём вкладов на хранение, выдача ссуд под недвижимость и государственные процентные бумаги) и отчислений с налогов в местный бюджет, выделяемых приказу казённой палатой. Таким образом, гарантированных твёрдых сумм в бюджет народного образования изначально не предусматривалось. По этой причине с 1780-х гг. в региональной системе образования усиливались негативные тенденции, усугублённые политикой в отношении учебных заведений со стороны некоторых местных администраторов.

Переданные в ведение Иркутского приказа общественного призрения Якутская и Охотская навигацкие школы им не финансировались. Иркутский генерал-губернатор И.В. Якоби безрезультатно переписывался с Сенатом по поводу финансирования Якутской навигацкой школы на протяжении всего своего губернаторства (1783—1789), но денег так и не получил. Частая смена руководителей якутской администрации также не способствовала решению проблем школы. С 1880 по 1889 г. в Якутске сменились 5 высших администраторов [16, с. 112]. Сменивший И.В. Якоби генерал-губернатор И.А. Пиль (1789—1795), получив вместо денег именной указ Екатерины II от 19 янв. 1790 г. о «заведении училища для обучения детей якутов», распорядился сделать в 1791 г. срочный выпуск курсантов, а в 1792 г. закрыл навигацкую школу [16, с. 97; 21, с. 10].

Управлявший Охотским портом в 1784—1789 гг. Г.А. Козлов-Угренин решал главным образом задачу личного обогащения, не утруждаясь заботами о школах. В 1784 г. на Камчатке закрылась последняя миссионерская школа, единственными очагами грамотности на полуострове остались 4 гарнизонные школы [20, с. 91]. В 1789 г. в рапорте на имя иркутского гражданского губернатора М.М. Арсеньева Козлов-Угренин доносил, что в Охотской навигацкой школе нет учителя, ощущается крайний дефицит в учебниках и пособиях. Для поддержания жизнеспособности школы он назначает учителем штурманского ученика С. Должантова и просит прислать для школы учебники по математике и навигации, катехизисы для обучения грамоте, аспидные доски и циркульные инструменты [20, с. 85]. М.М. Арсеньев отправил рапорт по инстанции на имя генерал-губернатора И.А. Пилия, который, в свою очередь, обратился в Сенат. В защиту Охотской школы высказалась Адмиралтейств-коллегия, подчеркнув её значение в подготовке кадров квалифицированных штурманов, хорошо знавших местные моря и востребованных на судах промысловых компаний, осваивавших Русскую Америку. Финансирование Охотской навигацкой школы возобновилось с января 1790 г., с «высочайшего разрешения» на её нужды ежегодно выделялось 4274 руб. [20, с. 85].

Бюджет Иркутской навигацкой школы, составлявший 2223 руб. в год, уже не покрывал расходов на её содержание [29, с. 11]. Кроме того, после смерти М. Татаринова (1784) для школы не нашлось руководителя такого же уровня и квалификации. В 1787 г. И.В. Якоби, считая, что Иркутская навигацкая школа «близка к пресечению наук», обратился в Сенат с просьбой о помощи, которой он так и не получил. Поэтому администрация прекратила наборы в школу и сосредоточила усилия на ежегодных распределениях выпускников [21, с. 34].

Что же касается горнозаводских школ, то в 1770-е — первой половине 1780-х гг. они стабильно функционировали и достаточно эффективно готовили специалистов, о чём свидетельствует рост производительности труда на горнозаводских предприятиях. В 1785 г. было составлено новое «Штатное положение Нерчинским сереброплавильным заводам»,

в соответствии с которым в горнозаводских школах увеличивалось число школьников и преподавателей, в учебные программы добавились языковые дисциплины (латинский, немецкий и французский). Совокупный расход заводской казны на содержание школ составил 10 485 руб. При Нерчинском заводе уже работали Горная школа и Нерчинская школа. Всего было 6 заводских школ при 675 учениках и 17 учителях [7, с. 86—89].

В 1787 г. вся горнорудная промышленность Забайкалья перешла под управление Кабинета её императорского величества и стала собственностью императрицы Екатерины II, которая и предписала в 1788 г. начальнику Нерчинских заводов Е. Е. Барботу де Марни закрыть все заводские школы, оставив только одну. К этому времени в школах округа обучалось 513 чел., в том числе 476 учеников на казённом содержании и 37 на обеспечении родителями [14, с. 82]. Численность учащихся хотя и сократилась на 24% по сравнению с 1785 г., но со времени начала реформы В. И. Суворова увеличилась 3 раза. Барбот де Марни оставил на весь горный округ одну школу при Нерчинском заводе с 40 учениками, которая превращалась в закрытое сословное учреждение, где преимущественно обучались выходцы из семей горных офицеров и чиновников, которые не связывали будущее своих детей с Забайкальем.

Когда в региональной системе образования на материке продолжался спад и учебные заведения боролись за выживание, в русских колониях на Аляске благодаря деятельности торговцев пушниной начал формироваться новый центр русского образовательного пространства. В 1784 г. купец Г. И. Шелихов основал на острове Кадьяк в гавани Трёх Святителей постоянное русское селение на Аляске, где и открыл первую в истории Русской Америки школу для коренных жителей острова — конягмиутов (в русских источниках «коняги»). — С. Б.). Школу шелиховской компании посещали 25 мальчиков — дети местных тойонов (вождей) и сироты, которых грамотные члены промысловой экспедиции обучали русскому языку, чтению, письму, арифметике и рисованию [10, с. 36; 28, с. 91]. Ко времени отъезда Шелихова с острова некоторые из учеников уже довольно свободно говорили по-русски и работали переводчиками в его компании.

В начале 1790-х гг. управлявший делами шелиховской компании на Аляске А. А. Баранов переместил школу в новое построенное на острове селение Павловская Гавань. В октябре 1794 г. сюда во главе с архимандритом Иосафом прибыла первая Духовная миссия, в ведение которой была передана школа. Миссионеры привезли с собой собранную Шелиховым и другими дарителями разнообразную литературу для организации библиотеки, включая учебники. Обязанности учителя при миссии исполнял иеродиакон Нектарий, который самостоятельно выучился грамоте, активно занимался самообразованием, увлекался механикой и конструировал часы [5, с. 100—101; 17, с. 246]. Он преподавал Закон Божий, русский язык и основы математики, однако из-за того, что никто из миссионеров не владел языком конягмиутов, состав учащихся изменился. В шко-

ле осталось 15 учеников, креолов по происхождению (потомков от смешанных браков местных женщин с русскими. — С.Б.), которые хорошо понимали по-русски [17, с. 243].

На фоне общего депрессивного состояния образования в регионе в 1790-е гг. отмечаются некоторые шаги в рамках реализации Устава народных училищ (1786). В 1789 г. в Иркутске на базе «градской школы» было открыто Главное народное училище. В 1795 г., когда в Иркутской навигацкой школе оставалось 22 ученика, И.А. Пиль присоединил её к Главному народному училищу на правах самостоятельного подразделения с отдельным финансированием [29, с. 11]. В составе Главного народного училища навигацкая школа функционировала почти 10 лет.

В 1793 г. в Западном Забайкалье в г. Верхнеудинске открыли второе в Восточной Сибири общеобразовательное учебное заведение (и первое в городе) — «малое народное училище». Тогда же в Селенгинске была открыта гарнизонная школа [12, с. 197]. В литературе сохранилось и упоминание о том, что взамен закрытой навигацкой школы Г.А. Козлов-Угренин в бытность его комендантом Якутска в 1789—1795 гг. открыл в Якутске приходское училище [16, с. 197]. Однако вопрос о дате открытия этого учебного заведения и времени его функционирования остаётся открытым.

В заключение отметим, что в период модернизации страны в XVIII в. территория Тихоокеанской России находилась в стадии пионерного освоения. Учебные заведения открывались по мере надобности разными ведомствами с целью практической подготовки специалистов в процессе отдельных проектов, осуществлявшихся в регионе центральными ведомствами. Оказавшиеся в силу политических обстоятельств на восточной окраине России сподвижники Петра I преемственно продолжали его политику в образовании, что отразилось в положительной динамике учебных заведений региона в 1720—1760-е гг., выразившейся в увеличении числа учебных заведений и укреплении материального положения учащихся. В то же время попытка выстроить «вертикаль власти» через Приказы общественного призрения имела отрицательные последствия для образовательных учреждений региона в 1770—1790-е гг., так как центральное правительство сняло с себя обязательства по их финансированию.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Болгурцев Б.Н. Командиры Охотского порта. Владивосток: Дальнаука, 2008. 184 с.
2. Гаврилов С.В. Первые учебные заведения морского и рыбохозяйственного профиля на Дальнем Востоке России и Камчатке // Вопросы истории Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 2005. Вып. 1. С. 275—318.
3. Геготаулина Л.А. Развитие просвещения на Камчатке (40-е гг. XVIII в. — 1917 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2004. 26 с.
4. Гольденберг Л.А. Каторжанин — сибирский губернатор: жизнь и труды Ф.И. Соймонова. Магадан, 1979. 287 с.
5. Валаамские миссионеры в Америке (в конце XVIII столетия). СПб.: Изд. Валаамского монастыря, 1900. 260 с.

6. Зуев А.С., Миненко Н.А. Секретные узники политических острогов: (Очерки истории политической ссылки в Сибири второй четверти XVIII в.). Новосибирск: Наука, 1992. 165 с.
7. Изгачев В.Г. Возникновение школ и обучение детей рабочих и служащих на Нерчинских заводах в XVIII веке // Учён. зап. Чит. гос. пед. ин-та. Чита, 1956. Вып. 1. С. 56—97.
8. Изгачев В.Г. Нерчинская навигацкая школа в XVIII в. // Вопросы истории советского Дальнего Востока. Владивосток, 1965. Вып. 2. С. 28—30.
9. История Дальнего Востока России в эпоху феодализма и капитализма (XVII — февраль 1917 г.). М.: Наука, 1991. 471 с.
10. К истории Российско-Американской компании: сб. документов. Красноярск, 1957. 150 с.
11. Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке: сб. арх. материалов. Л., 1935. 244 с.
12. Константинов А.В., Константинова Н.Н. История Забайкалья: (с древнейших времён до 1917 г.). Чита: АНО «ЦНОП»; изд-во Заб ГПУ, 2002. 248 с.
13. Константинов М.В., Скиданова Л.А., Константинова Т.А., Мамкина И.Н. С посвящением учительству (предисловие к книге «Учительская слава Забайкалья») // Вестн. образования Забайкалья. Чита, 2010. № 3. С. 70—92.
14. Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII — начала XIX в. Новосибирск, 1974.
15. Кук Дж. Третье плавание капитана Джемса Кука: плавание в Тихом океане в 1776—1780 гг. М., 1971.
16. Памятная книжка Якутской области за 1863 год. СПб.: Изд. Якут. обл. стат. комитета, 1864. 204 с.
17. Русская Америка в неопубликованных записках К.Т. Хлебникова. Л.: Наука, 1979.
18. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII века: сб. документов. М.: Наука, 1989. 400 с.
19. Сарычев Г.А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952.
20. Сгибнев А.С. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 г. // Вопросы истории Камчатки. Петропавловск-Камчатский: Холд. ком. «Новая книга», 2008. Вып. 2. С. 5—123.
21. Сгибнев А.С. Навигацкие школы в Сибири // Морской сб. № 11. Т. LXXXVII. Часть неофиц. 1866. С. 3—44.
22. Севильягаев Г.Ф. Народное образование на Дальнем Востоке России. XVIII в. — 30-е годы XX в. Барнаул: ОАО «Алтайский полиграфкомбинат», 2001. 516 с.
23. Севильягаев Г.Ф. Очерки истории просвещения малых народов Дальнего Востока. Л.: Просвещение, 1972. 423 с.
24. Словцов П.А. История Сибири: от Ермака до Екатерины. М.: Вече, 2006. 512 с.
25. Стеллер Г.В. Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский: Камчат. печат. двор, 1999. 287 с.
26. Фальборк Г., Чарнолуцкий В. Начальное народное образование // Энциклопедический словарь / под ред. проф. И.Е. Андреевского, К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского. СПб.; Лейпциг: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1890—1907. Электронный ресурс: <http://www.vehi.net/brokgauz/all/070/70857.shtml>
27. Протоиерей П. Громов. Историко-статистическое описание камчатских церквей. Петропавловск-Камчатский: «Скрижали Камчатки», 2000. 263 с.
28. Фёдорова Т.С. Женщины в Русской Америке // Русская Америка и Дальний Восток (конец XVIII в. — 1867 г.). Владивосток, 2001. С. 91—103.
29. Шинкарёва А.П. Дорога в будущее: путеводитель по школам Иркутска прошлого и настоящего, от века XVIII к веку XXI. Иркутск: РИО «МиГ»; ООО НИЦ «Эко-сфера-Байкал», 2002. 160 с.